

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

РЕЦЕНЗИИ

К. Ф. Захарова, В. Г. Орлова. Дialeктное членение русского языка.—М., изд-во «Промышление», 1970. 166 стр.

Усилившийся в конце XIX — начале XX в. интерес к русским народным говорам обусловил развертывание диалектологических разысканий в русском языкознании. Это выразилось прежде всего в том, что начался широкий сбор сведений о диалектных особенностях русского языка на разных территориях его распространения. Образование в 1903 г. Московской диалектологической комиссии положило начало созданию диалектологической карты русского языка, данные для которой собирались по специальной программе, разосланной на места. На основании ответов на вопросы этой программы и на основании уже известных из опубликованных к тому времени диалектологических работ Московская диалектологическая комиссия создала в 1915 г. «Опыт диалектологической карты русского языка в Европе».

Несмотря на то, что авторы «Опыта» имели в общем недостаточно большой и надежный материал, несмотря на то, что в то время оставались еще неразработанными многие принципиальные вопросы теории лингвистической географии, авторы «Опыта» сумели дать первое обобщение диалектных явлений русского языка в виде нанесенных на карту границ распространения (определенных особенностей, свойственных русскому языку на разных территориях Европейской части России. Впервые в истории русского языкознания были установлены границы северновеликорусского и южновеликорусского наречий, выделены особые, «переходные» средневеликорусские говоры, а внутри этих трех основных диалектных объединений намечены границы разных диалектных групп.

Определяя эти границы, авторы «Опыта» оперировали в общем небольшим, ограниченным набором языковых признаков, стремясь при этом опираться прежде всего на такие признаки, которые теперь называются соответствующими двучленными явлениями: *оканье—аканье, г—г', т—т'* в 3-м лице глаголов, форма *у меня—у мене* и т. п. Противопоставление этих

признаков на разных территориях дала возможность авторам «Опыта» определить границы северного и южного наречий, а своеобразная комбинация их — выделить средневеликорусские говоры. Что касается группировки говоров внутри северного и южного наречий, то она была проведена на основе выделения соответственных многочленных явлений, а именно — для северных диалектов на основе различной судьбы *ѣ*, а для южных на основе типов предупредного вокализма после мягких согласных (сюда же был присоединен еще один признак — характер произношения *е*).

Опора авторов «Опыта» при определении русских диалектных территорий на ограниченный круг особенностей имела и отрицательное и положительное значение. С одной стороны, это обусловило то обстоятельство, что многие существенные и важные особенности русских говоров остались незамеченными. В «Опыте» в основном использованы фонетические и морфологические диалектные особенности, тогда как синтаксические и лексические факты по существу оставлены в стороне. При всем том, что объективно фонетика и морфология дают наиболее отчетливо выраженные диалектные изоглоссы, все же надо признать, что ограниченность языковой характеристики русских говоров, отражающая состояние диалектологической работы в то время, наложила свой отпечаток на общие представления авторов «Опыта» о диалектном членении русского языка.

Однако, с другой стороны, оперирование авторов «Опыта» ограниченным кругом диалектных явлений дало им возможность достаточно определенно установить основные границы диалектного членения русского языка. Не нужно думать, что авторам «Опыта» вообще недостаточно были известны факты, характеризующие русские говоры: если перечитать их комментарии к картам и познакомиться с «Очерком русской диалектологии», приложенным к «Опыту», то можно вполне убедиться в том, что диалектных фактов

тогда было известно достаточно. Однако, во-первых, эти факты, при всем их разнообразии, были все-таки слишком разрознены и разноречивы, а во-вторых, они не имели достаточно четкой территориальной приуроченности и распределенности, чтобы можно было оперировать ими при установлении диалектных границ русского языка. Именно поэтому при нанесении на карту границ диалектных объединений авторы «Опыта» отказались от использования в установлении этих границ целого ряда известных им черт и особенностей фонетического и морфологического характера русских говоров. Это придало диалектологической карте русского языка прозрачную структуру, хотя, конечно, многое в диалектном членении осталось не установленным или установленным лишь в приближенном виде.

Однако этот первый опыт составления диалектологической карты русского языка был в целом удачным: не случайно карта Московской диалектологической комиссии оказалась действенной на протяжении полувека. Это объясняется не только тем, что интенсивная работа по сбору диалектных данных развернулась широко только в послевоенное время, когда начала выполняться поставленная еще в 30-е годы задача составления Диалектологического атласа русского языка, но и тем, что в своих главных, определяющих моментах классификация русских диалектов, данная в «Опыте», оказалась правильной, хотя во многих подробностях она требовала уточнений.

Необходимость пересмотра вопроса о диалектном членении русского языка, как оно было представлено в «Опыте», стала очевидной после первых итогов интенсивной диалектологической работы над составлением Диалектологического атласа русского языка, развернувшейся в нашей стране после 1946 г. Такому пересмотру предшествовала разработка теоретических проблем лингвистической географии, получившая свое оформление в книге «Вопросы теории лингвистической географии» (М., 1962), где были изложены основные принципы лингвистического картографирования, которых придерживаются советские диалектологи. В созданной на их основе «Русской диалектологии» (М., 1964 г.) на базе данных, собранных и обобщенных при составлении отдельных томов Диалектологического атласа, впервые в сведенной воедино картине была дана новая, по сравнению с «Опытом», группировка русских говоров.

Рецензируемая книга также содержит характеристику основных диалектных разделений русского языка, но характеристику уточненную по сравнению с представленной в «Русской диалектологии», учитывающую самые новые материалы и лингвистические карты (стр. 3). Однако это упоминание об уточнениях

диалектного членения остается нерасшифрованным, так как в книге отсутствует сопоставление группировки, данной в «Русской диалектологии», и той, какая приводится в рецензируемой книге. Это вызывает определенное недоумение, тем более очевидное, что и в той и в другой книге разделы, связанные с характеристикой диалектного членения русского языка, написаны одними и теми же авторами.

«Диалектное членение русского языка» является последним по времени обобщающим трудом в области лингвистической географии русского языка. Хотя она выпущена в качестве учебного пособия для факультетов русского языка и литературы пединститутов, ее значение выходит далеко за рамки такого пособия. Можно сказать даже больше: эта книга по заключенным в ней идеям, по теоретической разработке вопросов лингвистической географии, а также по обширности введенного в нее фактического материала представляет интерес прежде всего для специалистов-диалектологов и историков русского языка.

Работа состоит из двух частей: 1) «Вопросы общего характера» и 2) «Обзор диалектного членения русского языка». Первая часть посвящена рассмотрению некоторых общих проблем лингвистической географии: принципам и методу построения группировки современных русских говоров, характеристике языкового ландшафта русского языка и описанию соответственных и несоответственных, двучленных и многочленных явлений, характеристике основных территориальных величин, выделяющихся в пределах распространения русского языка, и др. Много места в этой части книги занимает сравнительная характеристика «Опыта» 1915 г. и современного диалектного членения русского языка (карта 1965 г.), в которой авторы книги, отдавая должное «Опыту», в то же время устанавливают как недостаточность представленной в нем классификации русских диалектов, так и принципиальные различия в подходе к выделению определенных территориальных единиц у авторов «Опыта» и современных исследователей этого вопроса. Особый раздел этой части посвящен характеристике явлений, имеющих, как пишут авторы, индивидуальный характер распространения, т. е. таких, «которые представлены на изучаемой территории ареалами разных размеров и разной определенности очертаний и обладают той отличительной особенностью, что каждый из этих ареалов не совпадает достаточно определенно по местоположению с ареалами других явлений» (стр. 46), характеризующих данную единицу диалектного членения. Установление такого рода явлений индивидуального распространения (стр. 50, 51 и 54) дало возможность авторам провести выделение говоров центральных территорий, гово-

ров «центра», в отличие от так называемых периферийных говоров, охватывающих территории, окружающие Москву и расположенные к северо-востоку от нее.

В связи с тем, что теоретические положения, развернутые в первой части книги, получили свое практическое воплощение во второй ее части, целесообразно рассмотреть некоторые из них подробнее вместе с анализом предлагаемой группировки русских говоров.

Эта группировка представлена во второй части книги, где дано подробное описание северного и южного наречий русского языка, среднеурских говоров, а также диалектных зон и групп говоров. Каждая единица диалектного членения охарактеризована со всей возможной подробностью, т. е. в совокупности своих фонетических, морфологических, синтаксических и лексических особенностей. При этом специально оговаривается то обстоятельство, что для полного представления языковой системы более мелких единиц диалектного членения необходимо учитывать не только особенности, присущие данной единице, но и особенности, свойственные соответствующей более крупной единице диалектного членения.

Авторы книги оперируют огромным фактическим материалом, позволяющим им дать широкое описание единиц диалектного членения языка, хотя, надо сказать, этот материал далеко неравноценен в характеризующем отношении.

Если сравнить диалектное членение русского языка, представленное в «Русской диалектологии», с диалектным членением, данным в рецензируемой книге, то в целом, как это и следовало ожидать, существенных отличий здесь нет; отличия обнаруживаются лишь в характеристиках так называемых межзональных диалектных единиц. Если в «Русской диалектологии» в составе северного наречия выделялась межзональная группа с тремя подгруппами — Онежской, Лачской и Белозерской, то в «Диалектном членении...» выделяются межзональные говоры, имеющие в своем составе Онежскую группу, а также Лачские и Белозерско-Бежецкие говоры, как видно, не образующие группы. Если в «Русской диалектологии» в составе южного наречия выделялись межзональная группа А и межзональная группа Б, в состав которой включались Тульская, Елецкая и Оскольская подгруппы, то в «Диалектном членении...» выделяются межзональные говоры типа А и межзональные говоры типа Б, в состав которых входят Тульская группа и Елецкие и Оскольские говоры, также, как видно, не образующие единых групп. Если сопоставить страницы «Русской диалектологии» и «Диалектного членения...», где перечислены языковые черты, характеризующие те группы или говоры, которые различно определяются в этих двух книгах, то окажется, что эти черты в прин-

ципе одни и те же (ср. стр. 270—272, 282—283 «Русской диалектологии» и стр. 119—121, 138—139 «Диалектного членения...»). В таком случае возникает вопрос, не сталкиваемся ли мы здесь с простой терминологической заменой. Однако так думать трудно, ибо авторы вполне определенно отличают величины диалектного характера, которые представляют собою группы (и подгруппы) говоров от говоров, не образующих группы. Ср.: «Восточные и западные среднеурские говоры объединяются в качестве среднеурских лишь... по наличию в их системах черт различных диалектных объединений. Наряду с этим данные говоры разнородны в ряде отношений... Эта разнородность определяется... тем, что на территории анализируемых говоров... наблюдается сочетание разного круга черт наречий, а также явлений, присущих разным диалектным зонам. Неоднородны также эти говоры по степени оформленности их систем, что находит свое выражение в наличии или отсутствии на разных частях территории своеобразных, именно данной части территории присущих собственно местных черт... Среди западных среднеурских окружающих говоров такие черты имеет лишь Гдовская группа говоров, а Новгородские говоры, не имеющие таких общих для всех них черт, не представляют собой самостоятельной величины диалектного членения, т. е. не образуют группы говоров...» (стр. 41—42). Значит, в самом терминологическом различии надо видеть и более принципиальные различия, связанные с характером языкового комплекса, определяющего данные диалектные территории. Приходится только сожалеть, что авторы не обосновали тех изменений в характеристике отдельных единиц диалектного членения русского языка, которые они внесли в новую книгу по сравнению с «Русской диалектологией».

К книге приложены две карты — карта Московской диалектологической комиссии 1915 г. и карта группировки русских диалектов 1965 г., позволяющие наглядно увидеть как сходство, так и различия в представлениях о диалектном членении русского языка авторов «Опыта» и современных диалектологов.

Оценивая в целом рецензируемую книгу, следует сказать, что она является, без сомнения, нужным и полезным трудом, обобщающим современные достижения лингвистической географии русского языка, уточняющим наши представления о его диалектном членении и о характерных особенностях, присущих диалектным единицам на разных территориях распространения русского языка. Вместе с тем некоторые теоретические положения и основанная на них группировка русских говоров, выдвинутые как в «Русской диалектологии», так и в рецензируемой книге, вызывают если не возражения, то по крайней мере серьезные сомнения.

Прежде всего речь идет о том, что перед авторами новой группировки стояла чрезвычайно сложная задача: имея в руках огромный фактический материал, относящийся ко всем сторонам языковой структуры диалекта, образующий ярко выраженную территориальную пестроту, неравноценный по своей значимости в характеристике диалектного членения; имея перед собой лингвистические карты распространения диалектных явлений, на которых изоглоссы распределяются самым причудливым образом, то образуя пучки, то выделяя разрозненные территории, — имея все это, они должны были, изучив все эти факты и явления и интерпретировав данные карт, увидеть те основные диалектные единицы, характеризующиеся определенной языковой структурой, на которые членится современный русский язык в его диалектном разнообразии. Для того чтобы осуществить такую группировку диалектного русского языка, нужно суметь увидеть среди множества фактов главные, определяющие и не существенные для характеристики единиц диалектного членения, хотя и создающие специфику говоров на той или иной территории распространения русского языка. Такую сложную задачу выполнить не всегда легко, а может быть, не всегда и возможно, однако необходимо стремиться к ее объективному решению.

Принципиально новое в группировке русских говоров в рецензируемой книге сравнительно с «Опытом», если говорить коротко, заключается в том, что авторы отказались от опоры «на характер распространения отдельных, по разным соображениям избираемых... языковых черт» (стр. 36), как это было у создателей «Опыта», а положили в основу группировки «закономерности, характеризующие лингвистический ландшафт русского языка» (стр. II), т. е. закономерности территориального распространения диалектных различий этого языка. На основании изучения распространения и расположения изоглосс соответственных диалектных явлений, их схождения и расхождения были установлены ареалы явлений, выделяющих определенную территорию русского языка, а отсюда — и единицы его диалектного членения.

Такой подход к установлению диалектных территорий привел авторов к необходимости, с их точки зрения, выделить в определенные группы не только северное и южное наречия и среднерусские говоры, но еще и так называемые диалектные зоны, которых они насчитывают в русском языке семь: западная, северная, северо-западная, северо-восточная, южная, юго-западная и юго-восточная. «Диалектные зоны... выделяются на основе таких сочетаний ареалов, которые охватывают значительные части территории безотносительно к ее разделению на наречия и среднерусские говоры, при этом большая

часть сочетаний ареалов, выделяющих каждую из основных зон, остается в пределах наречий..., лишь частично охватываемая территорией среднерусских говоров...» (стр. 22—23). Иначе говоря, в территориальном отношении диалектные зоны как бы накладываются сверху на членение русского языка на наречия и среднерусские говоры. На первый взгляд, происходит своего рода перекрещивание одного диалектного членения другим; однако в действительности это не так, ибо признаки, по которым выделяются наречия и среднерусские говоры, с одной стороны, и по которым выделяются диалектные зоны — с другой, принципиально различны: первые выделяются противоположным набором соответственных явлений или их определенной комбинацией, а вторые — по существу не соотносимыми друг с другом явлениями.

В самом деле, наиболее четко противопоставляются северное и южное наречия по двучленным соответственным явлениям: *оканье*—*аканье*, *е—у*, утрата интервокального *й* и его сохранение, *м* вместо *бм* и сохранение *бм*, *ж'*, *ш'* и *ж*, *ш*, *пшеница* и *пшеница*, *р'ига* и *рыга*; *у жонь* и *у женё*, *дебушка* и *дедушка*, *бкна* и *бкны*, *меня* и *мене* и т. д. (см. стр. 74—76 и 78—80). Менее четким оказывается противопоставление этих наречий по многочисленным соответственным явлениям (см. стр. 76—78 и 80). Эта нечеткость определяется тем, что по существу такие явления в силу их непараллельности, не соотносительности в двух противоположных русских наречиях служат лишь дополнительной характеристикой того и другого наречия (ср., например, в северном наречии четыре фонетических многочисленных явления: *произношение и в соответствии с ϵ и ударного e как o* , лабиализация предударного o , твердые губные на конце — и только одно: произношение форм *тряс* и *запруг* s' o — в южном). Значит, противопоставление двух наречий русского языка осуществляется не только прежде всего, но исключительно двучленными соответственными явлениями. С этой точки зрения достаточно четким оказывается и выделение среднерусских говоров по наличию в них вполне определенного комплекса явлений, свойственных как северному, так и южному наречиям и совмещающихся в среднерусских говорах; при этом оказывается, что при всем разнообразии черт, характеризующих отдельные говоры и группы говоров среднерусского типа, всем этим говорам присущи те северные или южные особенности, которые входят в состав двучленных соответственных диалектных явлений. Значит, можно вновь утверждать, что именно эти последние явления служат той прочной базой, на которой основывается отчетливое диалектное членение русского языка. Конечно, диалектное членение языка должно основываться не только на противопоставле-

нии двучленных соответствующих явлений: в его характеристике свое место должны занять и многочисленные соответственные явления. Однако среди этих последних необходимо установить такие, которые не просто характеризуют данную диалектную величину, но и противопоставляют ее другой диалектной величине.

Если с этой точки зрения посмотреть на выделение диалектных зон, то здесь картина окажется иной. Прежде всего достаточно взглянуть на карты № 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18а и б, данные в книге, на которых нанесены границы разных диалектных зон, чтобы убедиться в том, что эти границы оказываются не только очень расплывчатыми, но и такими, которые так членият картографируемую территорию, что часть одной диалектной зоны включается в пределы другой или даже других диалектных зон. По существу подобное положение подрывает сами основы выделения диалектных зон как второго по сравнению с выделением наречий и среднерусских говоров диалектного членения русского языка. Авторы достаточно хорошо понимают это и потому подробно обосновывают свои взгляды на принципах группировки русских говоров, которых они придерживаются (см. стр. 13—19). Однако верность или приемлемость принципов определяется прежде всего практикой — анализом лингвистических карт. А этот анализ говорит о том, что выделение диалектных зон (если придавать им то значение, какое придают им авторы, т. е. значение членения говоров русского языка на западные и восточные, которое существует «как бы на втором плане» и «не является столь актуальным, как членение на наречия, но также имеет достаточно большое значение» — см. стр. 24) в том виде, как это представлено в книге, не является достаточно определенным. Это тем более очевидно, что характеристики языковых комплексов, свойственных той или иной диалектной зоне, строятся на разрозненных, подчас мелких с точки зрения языковой структуры, не существенных в этом плане особенностях. Ср., например, характеристику языкового комплекса западной диалектной зоны, в которую включены следующие явления: ударение на первом слоге у прилагательных *седьмой, шестой*; формы местоимений 3-го лица с начальным *j*; формы местоимений 3-го лица *оны, йоны*; наличие *j* в основе в формах указательного местоимения; суффикс *-ак* в существительных *ходак, седак*; конструкция типа *приехал с города*; деэричание в функции сказуемого; наличие слов *леший, ошей и пшо*. Едва ли можно утверждать, что все эти черты имеют равную значимость для характеристики языковой структуры говоров, включенных в данную диалектную зону; а если к тому же некоторые из них оказываются и не свойственными всем говорам данной зоны (см. стр. 83 и 84), то реальность подоб-

ного выделения начинает внушать определенные сомнения. Ср. еще карты № 11, 12 и 13 (стр. 84, 86 и 88), где даны изоглоссы, выделяющие западную, северную и северо-западную диалектные зоны и где отчетливо видно, что северо-западная зона полностью входит в пределы западной и северной диалектных зон.

Кроме того, необходимо сказать, что описание языкового комплекса различных диалектных зон достаточно определенно показывает, что ряд черт, входящих в этот комплекс, оказывается распространенным в разных, подчас далеко друг от друга расположенных зонах. В качестве примера можно проанализировать языковой комплекс северо-западной диалектной зоны, занимающей территорию восточнее Онежского озера, далее к югу восточнее озера Селигер, а затем к западу по линии Великие Луки — Себеж (см. карту на стр. 88). Эта зона выделяется двумя пучками изоглоссы. В первый пучок включены, во-первых, явления типа формы им. падежа мн. числа от *весь* — *веси*, страдательно-безличного оборота *у меня воды принесено*, а также некоторые слова, которые как будто бы известны только в пределах данной зоны; во-вторых, такие явления, как формы типа *к жонь, к земль*, встречающиеся в центральной части территории южного наречия (хотя ареалы их там представляют разрозненные острова), формы 3-го лица глаголов без окончания, известные в межзональных говорах южного наречия типа Б, наконец, некоторые слова со вторым полногласием (*верез, столоб*), отсутствующие на южной и юго-западной территории западных среднерусских окружающих говоров. Второй пучок изоглоссы выделяет еще более узкую территорию, так как он не захватывает земли вокруг Онежского озера. И здесь вновь в характеристику языкового комплекса включены такие черты, которые или свойственны не всем говорам данной зоны (различение твердых *ч* и *ц*, произношение *ни* вместо *дн*), или свойственны говорам юго-западной зоны (словоформа *глызы*, ударение в глаголах прошедшего времени *брѣла, звѣла*), или известные в южном наречии и в юго-восточной зоне (*пѣтши*, инфинитив *итѣть*, возвратная частица *си* после *ш* и *л*), или, наконец, присущие центральному говорам (противопоставление *в* и *ѣ*, различение дат.-предл. падежа у существительных на мягкий согласный по месту ударения). Если так же проанализировать, скажем, характеристику языкового комплекса юго-восточной зоны, прямо противоположной по территориальному расположению северо-западной, то и в числе черт этой зоны можно обнаружить такие, которые или выходят за ее пределы, или, наоборот, не свойственны говорам всей этой зоны (см. стр. 102—108).

Таким образом, как представляется, если, по мнению авторов, деление рус-

ских говоров на западные и восточные может быть установлено при анализе лингвистических карт, то такое деление должно было бы быть осуществлено несколько иначе, чем это сделано сейчас при выделении семи диалектных зон. Возможно, что разделение говоров на западные и восточные, т. е. на две диалектные зоны, действительно может быть осуществлено. Но это можно сделать только в том случае, если отвлечься от многих разнообразных и чрезвычайно пестрых и территориально недостаточно определено закрепленных диалектных черт русских говоров, затрагивающих все стороны их языковой структуры, и выбрать лишь те, которые, во-первых, являются действительно определяющими данный языковой комплекс и которые, во-вторых, позволяют провести действительно четкие границы между западной и восточной диалектными зонами русского языка. Если таких особенностей установить нельзя, то, как видно, в этом случае целесообразнее указать границы и область распространения тех или иных диалектных черт, которые характеризуют лингвистический ландшафт русского языка, но не могут быть использованы при определении его диалектного членения. Как представляется, в установлении языковых комплексов наречий и среднерусских говоров авторы в целом нашли пути правильного решения вопросов диалектного членения. При выделении же диалектных зон они недостаточно разграничили явления, которые характеризуют языковой комплекс одной зоны в отличие от другой, от явлений, которые не могут участвовать в такой характеристике.

Зависимость авторов от диалектных фактов сказалась и в характеристике групп говоров русского языка, в которых, по словам авторов, «представлены те реальные языковые системы, которыми пользуется исконное население определенных территорий».

Вместе с тем надо сказать, что по сравнению с «Опытом» авторы «Диалектного членения...» дали принципиально новую группировку говоров в пределах основных наречий русского языка и среднерусских говоров. Подходя к вычленению групп говоров с точки зрения установления языкового комплекса, авторы пересмотрели отнесенные различных групп говоров к северному или южному наречию и расширили территорию среднерусских говоров: в новой группировке к среднерусским отнесены почти все говоры, которые входили в «Опыте» в состав владимиро-поволожской группы северновеликорусского наречия, и часть говоров, относимых «Опытом» к западной группе этого же наречия. Такое расширение территории среднерусских говоров обусловило то, что, согласно принципам новой группировки, по которым среднерусскими являются говоры, совмещающие в своих

системах разные, но не обязательно одни и те же черты северного и южного наречий; в числе этих говоров выделились не только западные и восточные, но и окающие и акающие. С другой стороны, оказалась расширенной и территория южного наречия за счет включения в него западной, верхне-днепровской и верхне-деснинской групп, говоры на территориях которых ранее определялись или как белорусские, или как переходные от южновеликорусских к белорусским. В целом эта новая группировка русских говоров должна быть принята, ибо она последовательно основана на принятых авторами принципах диалектного членения и, как представляется, достаточно соответствует действительности. Однако при этом характеристика групп говоров целым языковым комплексом оказывается такой, в которой представлены все возможные, независимо от их роли в языковой структуре, особенности, в результате чего эта характеристика приобретает большую расплывчатость. Вероятно, правильнее было бы и здесь выделить те особенности, которые определяют языковой облик данной группы в отличие от языкового облика другой группы, и оставить в стороне все, что не имеет непосредственного отношения к такому определению, а является случайным или повторяющимся в других группах.

Ведь задача книги — установить диалектное членение русского языка и дать группировку русских говоров — не совпадает с требованием представить полное описание особенностей говоров, расположенных на той или иной территории. Для решения второй задачи необходимо описать как можно больше явлений, тогда как для решения первой необходимо выявить именно те диалектные черты, которые определяют языковой характер данной группы говоров в отличие от другой или других. Как кажется, авторы недостаточно различили эти задачи, а потому характеристики групп говоров, которые они дали, оказались во многом неопределенными.

Как уже говорилось, создать новую группировку русских говоров — это очень сложная и трудосемкая задача. Авторы соответствующего раздела в «Русской диалектологии» и рецензируемой книги сделали большое и серьезное дело, представив первый опыт такой новой группировки. Не все в ней кажется удачным, вероятно, в дальнейшем нужно будет пересмотреть некоторые принципы описания диалектного членения русского языка — говоря проще, необходимо продолжать работу в этом направлении. Однако то, что уже сделано К. Ф. Захаровой и В. Г. Орловой, представляется важным этапом моментом в разработке данной проблемы.

Вал. Вас. Иванов